

приверженцев на родине. Слабость оппозиции, — противодействие Гермократу со стороны сиракузского общества было вплоть до последнего момента далеко не единодушным, — повышала шансы этого честолюбца на успех. При этом с точки зрения методов борьбы за власть поучительна эксплуатация Гермократом популярной народной идеи, патриотического лозунга борьбы с карфагенянами. Вместе с тем опыт Гермократа показал, что указанных выше сил было еще недостаточно для успеха и что этот недостаток не могла компенсировать даже ловкая эксплуатация патриотических настроений. Необходимо было обеспечить сотрудничество более широких народных масс, и здесь важно было дополнить «национальную» демагогию демагогией социальной. Этот «недостаток» был исправлен Дионисием Старшим.

М. А. ЦУКАНОВА

**АРИСТОТЕЛЬ О ПЕРИОДЕ ГЛАВЕНСТВА АРЕОПАГА
ПОСЛЕ 480 года до н. э.**

(К истолкованию «*ta epitteta*» в «Афинской политике», 25,2)

1

Среди многих вопросов, связанных с изучением «Афинской политики» Аристотеля, до сих пор остается спорным, насколько достоверны сообщения Аристотеля о периоде главенства Ареопага после 480 года до н. э. (Афинская политика, 23, 1—2; 25, 1; 41, 2) и насколько соответствуют действительности его свидетельства о реформе Ареопага 462/461 г. до н. э. (25, 2; 26, 1; 35, 2; 41, 2).

Сообщения Аристотеля о реформе Ареопага явно противоречат сообщениям Плутарха в биографиях Кимона и Перикла, сообщению Диодора (XI, 77, 6) и данным фрагмента Филохора об Эфиальте (F. Jacoby, FgrHist., III В 328 F. 64b(a)).

По Филохору, Эфиальт отнимает у Ареопага все права за исключением судебных функций по делам уголовного характера. Диодор видит в Эфиальте единственного виновника реформы Ареопага: по его словам, демагог Эфиальт, возбудив

народ против ареопагитов, убедил его принять постановление, унизившее Ареопаг; тем самым были ниспровергнуты «отеческие и прославленные законные права» (XI, 77, 6). Версия Плутарха в целом совпадает с версией Филохора и Диодора: «Народ, дав себе полную волю, нарушил весь порядок государственного управления и старинные постановления, которыми до того руководствовался, и во главе с Эфиальтом отнял у Ареопага все, за малыми исключениями, судебные дела, и сделал себя хозяином судилищ» (Кимон, 15. Перевод В. В. Петуховой). Таким образом, признается, что Эфиальт одним ударом уничтожил силу Ареопага, отобрав почти все его законные права, подчеркивается значение Ареопага как судебного органа до реформы 462/61 г. и главное преступление Эфиальта усматривается в ниспровержении старых отеческих законов.

В противоположность этому «Афинская полития» признает Эфиальта лишь первым реформатором Ареопага (реформу Эфиальта Аристотель относит к году архонтства Конона, т. е. к 462/461 г. до н. э.); дело Эфиальта продолжает Перикл, который после 451 года до н. э. ещё раз покушается на права ареопагитов. По словам Аристотеля, он также «отнимает некоторые права у ареопагитов» (27, 1).

Мы не встречаем в «Афинской политии» ни малейшей попытки бросить тень на Эфиальта, хотя при характеристике других демократических лидеров Аристотелю часто не удается скрыть собственного недоброжелательства и он использует различные неблагоприятные отзывы источников, враждебных афинской демократии. Напротив, Аристотель отзывается о личности Эфиальта вполне положительно: «Простатом народа стал Эфиальт, сын Софониды, пользовавшийся репутацией человека неподкупного и справедливого в государственных делах» (25, 1. Перевод С. И. Радцига). К тому же, по мнению Аристотеля, Эфиальт не совершает покушения на старинные отеческие установления: он оставляет Ареопагу полномочия, унаследованные от древних времен, и отнимает лишь какие-то дополнительно присвоенные им функции, благодаря которым в его руках сосредоточилась охрана государственного строя (25, 2). Эти дополнительные права Ареопаг приобрел вскоре после Мидийских войн (23,1); они были настолько важны, что ознаменовали новый период в истории афинской демократии (41,2). В пределах старой демократической формы правления произошло какое-то преобразование, в результате которого Ареопаг получил возможность в течение семнадцати лет

управлять государством (41, 2; 25, 1). По мнению Аристотеля, управление у афинян было прекрасным в это время (23,2) и государственному строю был присущ строгий порядок (26, 1).

Подобное толкование реформы Эфиальта и представление Аристотеля о существовании в афинской истории периода главенства Ареопага встретили довольно активный протест со стороны многих исследователей. Приведем наиболее крайние точки зрения: Бузольт полагал, что Аристотель некритически отнесся к данным аттидографов, которые вслед за Исократом без должных оснований преувеличивали роль Ареопага в афинской истории и оправдывали тем самым активизацию деятельности Ареопага в 4 веке до н. э.¹ Из современных исследователей наиболее яркими последователями Бузольта в этом направлении являются G. Day и M. Chambers: вслед за Бузольтом они полагают, что «конституция Ареопага» не исторична — это искусственная конструкция, которая помогает Аристотелю заполнить брешь между демократией Клисфена и радикальной демократией IV века, начало которой положил Эфиальт². Другие занимают более осторожную позицию: признавая возможность усиления Ареопага после 480/479 г., они не желают серьезно относиться к существованию дополнительных функций (*ta epitheta*), полученных Ареопагом, и рассматривают реформу в духе данных Плутарха, Диодора и Филохора³. Наиболее распространенная точка зрения на реформу Эфиальта, характерная для многих общих курсов афинской истории, отдает предпочтение именно этой версии⁴.

Вернемся к данным Филохора, Диодора и Плутарха. Согласно Филохору, у Ареопага после реформы Эфиальта остается только право судить уголовных преступников (F. Jacoby Fgr. Hist. III. 328. F. 64b(a)). К тому же мы узнаем из данного фрагмента, что одним из прав дореформенного Ареопага было право наблюдения за должностными лицами, чтобы они

¹ G. Busolt. Griechische Geschichte, bd. III, I, Gotha, 1897, s. 27. n. 2.

² J. Day and M. Chambers. Aristotle's history of Athenian Democracy, Berkeley. Los Angeles, 1962, p. 126.

³ R. Bonner and G. Smith. The administration of Justice from Homer to Aristotle, v. I, Chicago, 1930, p. 251; C. Hignett. A History of the Athenian Constitution. Oxf., 1962, p. 197—213.

⁴ E. Meyer. Geschichte des Altertums, bd. III. Stuttgart, 1901, стр. 570; K. J. Beloch. Griechische Geschichte, bd. II. Strassb. 1914, стр. 153; N. Hammond. A History of Greece to 322 b. C. Oxford 1959, стр. 288; H. Bengtson. Griechische Geschichte. Münch. 1960, S. 193.

действовали в соответствии с законами (Аристотель относил это право охраны законов к древнейшим правам Ареопага, т. е. к «*ta patria*»); после реформы Эфиальта, которая лишила Ареопаг этой функции, по Филохору, была создана даже специальная коллегия стражей законов (*nomophylakes*)⁵. Однако свидетельству Филохора, по которому за Ареопагом после реформы оставались только судебные дела, связанные с уголовными преступлениями, противоречит постановление афинского народного собрания 403 г. до н. э., приводимое Андокидом (1,83). Из него мы узнаем, что Ареопагу по-прежнему принадлежит его старинное право наблюдения за должностными лицами: «Пусть совет Ареопага заботится о законах, чтобы власти соблюдали установленные законы» (Перевод Э. Д. Фролова). Кроме того, Динарх (1,62) цитирует постановление Демосфена, в котором подтверждается право Ареопага наказывать погрешившего против законов на основании отеческих законов. Вспомним при этом, что Аристотель не делает Эфиальта ответственным за ниспровержение отеческих законов.

Такое же недоумение вызывает и свидетельство Плутарха о судебном характере реформы Эфиальта. Цель реформы, по Плутарху, — отобрать у Ареопага все судебные дела и сделать народ хозяином судилищ (Кимон, 15; Перикл, 9).

Однако целый ряд фактов афинской истории говорит о том, что задолго до реформы Ареопага высшей и окончательной судебной инстанцией в Афинах был именно суд народа, который не только мог изменить приговор должностного лица в случае апелляции гражданина к народному собранию, но и самостоятельно разбирал дела, имевшие государственное значение. Ксенофонт приводит постановление Каннона, в силу которого «каждого совершившего проступок перед афинским народом надлежит арестовать и он должен предоставить объяснения народному собранию и, если он будет признан виновным, он подвергнется смертной казни через ввержение в Барафр; имущество его конфискуется в казну». (Греческая история, 1, 20. Перевод С. Я. Лурье). Целый ряд исследователей на основании архаичности языка постановления относит его к концу 6 или к началу 5 в. до н. э. и полагает, что именно на основании этого постановления и был осужден Мильтиад в

⁵ Существование данной коллегии в это время не подтверждается свидетельствами. См. об этом G. Busolt — H. Swoboda. *Griechische Staatskunde*, II, Münch., 1926, S. 895, n. 1.

489 г. до н. э.⁶ Платон (Горгий, 516 E) говорит, что афиняне постановили ввергнуть Мильтиада в Барафр, а Геродот дает следующее описание суда: «Перед судом народа он (Ксантипп) требовал смертной казни Мильтиаду за то, что тот обманул афинян. Мильтиад явился, но не защищал себя: воспаление бедра не давало ему говорить. Его защищали друзья. Народ благоволил к Мильтиаду настолько, что освободил его от смертной казни, но за преступление против государства наложил на него пеню в 50 талантов» (VI, 136. Перевод Ф. Г. Мищенко). По свидетельству Ликурга, Гилларх, сын Харма, был заочно осужден экклесией за измену (против Леократа, 117). Народное собрание рассматривало также и дело Фемистокла в связи с процессом Павсания. Народ поверил обвинителям и послал людей, которым велено было арестовать Фемистокла и привести для суда (Фукидид, I, 135; Плутарх, Фемистокл, 23). Еще Гротом была высказана мысль, что слово «гелиея» первоначально означало народное собрание, выступавшее в роли суда⁷. Это мнение признается целым рядом исследователей, которые доказывают, что долгое время после Солона в Афинах еще не существовало отдельного суда с определенным числом присяжных судей, избранных жребием из всех граждан⁸. Очень трудно определить время, когда из состава народного собрания начали создаваться отдельные судебные коллегии, занимающиеся самостоятельным разбором дел. Однако некоторые данные о процессе Кимона (464/3) говорят за то, что ко времени реформы Ареопага в Афинах уже существовал подобный суд. На основании свидетельств Плутарха (Перикл, 14) и Аристотеля (27, 1) можно в главных чертах восстановить картину процесса: Перикл выступил на народном собрании с предварительным обвинением Кимона, народное собрание сочло обвинение не лишенным оснований, народ сам назначил обвинителей (в их числе был и Перикл) и дело было передано в суд. На суде Кимон был оправдан.

Многочисленные частные судебные процессы с давних времен возбуждались у архонтов (Афинская полиция, 56, б. 57, 58, 59). До Солона архонты сами производили судебное разбирательство и выносили окончательный приговор (Афинская

⁶ Bonner and Smith, *op. cit.*, p. 205; Hignett, *op. cit.*, p. 154, 304.

⁷ G. Grote. *A History of Greece*, v. II, L. 1862, p. 328.

⁸ S. B. Smith. *The Establishment of the Public Courts at Athens*, ТАРА, 56 (1925), p. 106—119; Bonner and Smith, *op. cit.*, p. 153; Hignett, *op. cit.*, p. 97; R. Sealey. *Ephialtes*, *Cl. Phil.*, 59 (1964).

полития, 3, 5). После Солона архонты продолжали производить судебное следствие и выносить приговор, однако в случае несправедливого приговора архонта любой гражданин мог подать жалобу в народный суд, который вновь рассматривал дело⁹. Нигде мы не находим точных указаний на время, когда архонты утрачивают право самостоятельного судебного разбирательства и судопроизводство полностью переходит в руки народного суда. Однако из постановления, регулирующего юридические отношения между Афинами и Фаселидой (Фаселида была присоединена к Делосскому союзу в 468/67 годах до н. э. — Плутарх, Кимон, 12, Диодор, 11, 60), мы узнаем, что в 60-е годы в Афинах архонты еще сохранили за собой право судебного разбирательства и вынесения самостоятельного приговора¹⁰.

Все это говорит о том, что судебная роль Ареопага в годы, предшествующие реформе, была в значительной степени преувеличена Плутархом. Известно, что кроме авторов, современных событиям 60-х годов 5 века до н. э., Стесимброта и Иона Хиосского, Плутарх широко использовал авторов IV века до н. э. — Эфора, Феопомпа, аттидографов и Аристотеля. Однако версии Аристотеля (Эфиальт отбирает у Ареопага «*ta eritheta*») Плутарх явно предпочел иную версию (Эфиальт отбирает «*ta patria*»). По мнению многих исследователей в сообщении о реформе Ареопага Плутарх использует Феопомпа и Эфора¹¹. Эфора использует и Диодор в XI книге своего труда¹². Версия, передаваемая Эфором и Феопомпом, не оригинальна. Те же самые мысли высказываются в «Ареопататике» Исократа, тенденциозность которого не подлежит сомнению. Здесь также Ареопаг сохраняет свои древние права в неизменном виде вплоть до того момента, пока наиболее скверные из афинян не вызывают пренебрежительное отношение к Совету Ареопага и не ниспровергают его силу (Ареопатитик, 50). Вывод напрашивается сам: если Эфиальт отобрал у Ареопага «*ta patria*», то расширение прав Ареопага в IV веке до н. э. представляет собой не что иное, как восстановление старого отеческого строя.

⁹ Aristot. Ath. Pol. 9, 1. См. также E. Ruschenbusch, Ephesis. Ein Beitrag zur Griechischen Rechtsterminologie. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung, 78 (1901).

¹⁰ M. N. Tod. A Selection of Greek Historical Inscriptions, v. I, Oxf. 1946, p. 32.

¹¹ Об этом см. Hignett, op. cit., p. 341.

¹² E. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber, Leipz. 1959, p. 23.

Все это заставляет с большей осторожностью использовать свидетельства Плутарха и Диодора и более внимательно отнестись к данным «Афинской политики».

Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос, как определяет сам Аристотель функции Ареопага до периода его главенства. Об этих функциях «Афинская политика» нам сообщает в трех местах: 3,6—где автор говорит об Ареопаге до Драконта; 4,4—где говорится об Ареопаге при Драконте и 8,1—2—где определяются функции Ареопага при Солоне. Во всех трех местах подчеркивается прежде всего главная функция Ареопага как блюстителя законов. Это его исконное право (*ta patria*), законное и неотъемлемое право ареопагитов. Ареопаг до Драконта «имел обязанность быть только блюстителем законов», хотя он в своей деятельности и выходил за пределы этой главной функции и «распоряжался большинством важнейших дел в государстве». При Драконте Ареопаг осуществлял ту же самую функцию: «Совет Ареопага стоял на страже законов и наблюдал за должностными лицами, чтобы они правили по законам. Всякий человек в случае нанесения ему обиды мог подать заявление в Совет Ареопага, указывая при этом, какой закон нарушается» (4,4). Солон сохраняет за Советом его старое право: «Совету ареопагитов он назначил охранять законы» (8,4). Кроме того мы узнаем, что во время Солона Ареопаг «судил тех, кто составлял заговор для ниспровержения демократии, в силу того, что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления» (8,4).

Итак, сфера действий Ареопага как «блюстителя законов» определялась выполнением следующих юридических функций:

1) наблюдение за должностными лицами, чтобы они действовали согласно законам; прием жалоб и заявлений относительно поведения магистратов, привлечение к ответственности виновных, наложение кар и взысканий (8,4).

2) Прием заявлений о преступлениях государственной важности, таких, как измена, заговор против демократии: арест лиц, подозреваемых в подобных преступлениях, судебное разбирательство по этому поводу.

Все эти древние права Ареопага относятся к числу «*ta patria*», и у нас нет никаких оснований сомневаться в добросовестности Аристотеля при определении этих функций. Постановление народного собрания 403 г. (Андокид, 1,83) подтверждает историческую реальность древней функции Ареопага по охране законов, а суд ареопагитов над виновными в государственных преступлениях в Афинах раннего периода ис-

то́рически вполне допустим. В законе Солона об амнистий (Плутарх, Солон, 19) Ареопаг назван в числе судов, в ведении которых находились дела, связанные с установлением тирании. Известно, что позже Совет 500 имел право подвергать аресту лиц, уличенных в предательстве и в попытке уничтожить демократический строй. (Андокид 1,45; Ксенофонт, Греческая история, 7,4; Аристотель, Афинская полития, 45,1). Во время процесса гермокопидов, когда шла речь о существовании заговора, направленного на ниспровержение демократии, Совет 500 обладал неограниченными полномочиями (Андокид, 1,15), и «город находился в таком состоянии, что всякий раз, когда глашатай возвещал о том, что члены Совета шли в булеветерий... граждане убежали с площади, каждый в страхе, чтобы его не схватили (Андокид, 1,36). По словам Аристотеля, «в прежнее время Совет 500 имел право заключать в тюрьму и казнить» (Афинская полития, 45,1). Вполне допустимо, что до Совета 500 Совет ареопагитов мог поступать аналогичным образом. Однако лишение Ареопага этого права произошло еще до реформы Эфиальта. Об этом нам говорит псефизма Каннона, которая передавала в руки народного собрания рассмотрение дел в связи с чрезвычайным заявлением и вынесением смертного приговора (Ксенофонт, Греческая история, 1,20).

Итак, если исходить из толкования реформы Аристотелем, старинные права ареопагитов мало интересовали Эфиальта (действительно, то, что сохранилось от древних прав Ареопага ко времени реформы — надзор за должностными лицами, т. е. право стража законов, судебная компетенция в религиозных делах — сохранялись за Ареопагом и после 462/461 года). Эфиальта интересовали какие-то дополнительно присвоенные Ареопагом права, которыми он обладал после Мидийских войн. Аристотель конкретно ничего не сообщает об этих правах, однако то, что он говорит о них в общей форме, заставляет задуматься. Мы узнаем, что благодаря этим правам Ареопаг выполнял роль охранителя государственного строя — право «*phylakē tes politei as*» (25,2). Из «Политии» мы узнаем, что государственный строй стал более строгим и сдержанным (V, 3, 5, 1304a 2, 1). Вероятно, государственный строй улучшился по сравнению с предшествующим периодом, т. е. с периодом, последовавшим после реформ Клисфена, когда, по словам «Афинской политии», «народ уже стал чувствовать уверенность в себе» («Афинская полития», 22, 2—8, отмечает повышение активности народа в этот период). После же

реформ Ареопага государственный строй все более и более теряет свой строгий порядок по вине людей, задавшихся демагогическими целями (Афинская полиция, 26,1).

Во время главенства Ареопага управление в Афинах, по словам Аристотеля, было прекрасным (23,2). Из «Политии» мы узнаем, что, по мнению Аристотеля, демократия хороша лишь в том случае, если государство управляется на основании законов; если же закон бессилен, а все решается декретами народного собрания и старые законы попираются псефизмами и судебными приговорами (VI, 4, 2, 1291в, 30; Афинская полиция, 41,2), то такое правление нельзя назвать «хорошим и прекрасным».

«Афинская полиция» говорит, что после реформы Эфиальта в Афинах начинается «отступление от предписаний законов» — первое отступление — это избрание зевгитов на должность архонта (26,2).

Современником реформы Ареопага был Эсхил. Разве не созвучен с представлениями Аристотеля о хорошем управлении в Афинах во время главенства Ареопага призыв Эсхила к гражданам не обновлять законов («легко родник прозрачный илом замутить — да пить нельзя»), бояться анархии так же, как и тирании, сохранять почтение к законности и священный страх. Эти представления Эсхила о благополучии города связываются с признанием руководящей роли Ареопага, в котором он видит защиту страны и спасение города, неусыпного стража Афин, день и ночь удерживающего граждан от несправедливых поступков (Евмениды, 690—705).

Все это заставляет более внимательно отнестись к старой, высказанной еще Гротом¹³ точке зрения на Ареопаг как на специальный орган, который в определенный период Афинской истории был уполномочен следить за незыблемостью афинской конституции, охранять существующее законодательство от различных нововведений, как на авторитет, имевший право аннулировать декрет народного собрания, несогласный со старыми законами¹⁴.

Если вышеуказанный фрагмент Филохора совершенно правильно определяет старинное право ареопагитов по охране законов (т. е. право заставлять должностных лиц соблюдать

¹³ G. Grote, op. cit., v. IV, p. 104—118.

¹⁴ Старое право Ареопага наблюдать за законностью действий должностных лиц нигде (в том числе и у Аристотеля) не понимается как право аннулирования декрета, противоречащего законам. См. об этом Hignett, op. cit., p. 211.

существующие законы), то почему не предположить, что действительности соответствовало и другое право, которым мог обладать Ареопаг перед реформой Эфиальта: «присутствуя в народном собрании и в совете вместе с председателями, препятствовать решениям, вредным для города» (F. Jacoby Frg. Hist. III B 328 F. 64b (a)). По мнению Филохора, после реформы Эфиальта это право перешло в руки коллегии «стражей законов».

Введение *γραφε ραγοποῖν* в Афинах происходит как раз в период, последовавший за реформами Эфиальта¹⁵: любой гражданин мог обжаловать любое постановление народного собрания как незаконное. Жалобы на противозаконные поступали и рассматривались в Совете (Афинская полития, 45,2), в народном собрании (Афинская полития, 59,2; Ксенофонт, Греческая история, I, 7, 12) и в коллегии фесмофетов (Афинская полития, 59,2). Для окончательного решения дело передавалось суду присяжных (Эсхин, III, 5).

Таким образом, можно предположить, что компетенции Ареопага в области охраны конституции были переданы именно так, как сообщает нам Аристотель — Совету, народу и суду присяжных. Известно, какую ненависть вызывала «*γραφε ραγοποῖν*» у афинских олигархов. Первым шагом олигархов 411 года до н. э. было приостановление действия жалоб на противозаконие и заявлений чрезвычайного характера (Фукидид, VIII, 67; Афинская полития, 29,4). Мы знаем, что тридцать тиранов прежде всего велели отменить законы Эфиальта и Архестрата (Афинская полития, 36,1). Может быть, эти законы поэтому и были так ненавистны для олигархов, ибо они регулировали процедуру, связанную с «*γραφε ραγοποῖν*».

По Аристотелю, Ареопаг стал осуществлять функции охранителя государственного строя после нашествия Ксеркса. Усиление Ареопага могло быть вполне возможным следствием военного времени, когда деятельность народного собрания и Совета 500 могла лишиться регулярного характера в силу необычных условий этого периода. В тяжелой обстановке, когда приближение вражеской армии угрожало уничтожением Афинам, появилась необходимость в существовании одной постоянной власти, способной принимать быстрые решения и на которую возлагалась ответственность за спасение государства

¹⁵ Hignett, op. cit., p. 211—213.

(«Совет Ареопага прославился во время Мидийских войн». Полития, V, 3, 5, 1304а, 20).

При этом интересно отметить следующий факт: из Лисия (XII, 69) мы узнаем, что в другой, не менее ответственный момент истории Афин, в 404 году до н. э. после поражения при Эгоспотамах, афиняне именно Совету Ареопага поручают позаботиться о опасении государства.

Эвакуация Афин в 480 г. до н. э. также связывается с деятельностью Ареопага (Афинская полития, 23,1). Если вспомнить, что Фемистокл (архонт 493 г.) был в это время членом Ареопага (Афинская полития, 25,3), то становятся менее важными споры, вызванные формальным противоречием свидетельства Климента и Аристотеля (Плутарх, Фемистокл, 10, 6—7) о том, кто руководил эвакуацией Афин — Фемистокл или Ареопаг¹⁶.

Именно в это время Ареопаг как коллегия бывших архонтов, т. е. людей, наиболее уважаемых и авторитетных в государственных делах, и мог получить право (хотя, очевидно, без всякого особого постановления на этот счет, Афинская полития, 23,1) препятствовать проведению в жизнь вредных и опасных предложений и ограждать народное собрание от опрометчивых решений. Может быть, именно эти права и были теми дополнительно приобретенными правами «*ta epitheta*», при помощи которых в дальнейшем была сделана попытка законсервировать государственный строй в рамках *patrios demokratia* и ограничить возросшую активность народа.

¹⁶ Необоснованные упреки в адрес Аристотеля, якобы недобросовестно освещающего этот факт, мы находим у J. Day and M. Chambers, *op. cit.*, p. 9—10, 121—122.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БАТРАХОМИОМАХИЯ (ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК)

Перевод В. Г. Боруховича

1. К вам, Пиерийские Музы, живущим в горах Геликона,
2. Ныне с мольбой обращаюсь, слагая новую песнь!
3. Вот уж лежит на коленях, на воском покрытых дощечках,
4. Песнь об ужаснейшей битве, неистовом деле Ареса.
5. Смертному роду людскому я в ней обещаю поведать,
6. Как воевали с лягушками мыши, как в подвигах бранных
7. Равными стали гигантам, Землею рожденным (об этом
8. Люди твердят повсеместно). Начало же было такое.
9. Некий мышонок, от ласки сбежав, замученный жаждой,
10. Остреньким рыльцем припал к воде в близлежащем бо-
лоте,
11. Радуюсь влаге медвяной. Заметил его тут болтливый
12. Луж обитатель, со словом крылатым к нему обратился:
13. «Кто ты, чужак? От кого приходишь? Из стран ли да-
леких
14. Прибыл сюда? Расскажи мне всю истину, все без утайки!
15. Если в тебе отыщу я достойного друга, то в дом свой
16. Тотчас тебя поведу — и с дарами богатыми будешь.
17. Я же зовусь Щекодувом, великим царем нарекаюсь:
18. Чтят лягушата всей лужи во мне скиptronосного мужа.
19. Сам Грязевик мне родитель, который с царицею Водной
20. В пылкой любви сочетался на топких берегах Эридана.
21. Видно, и ты не простой, а прекрасной и знатной породы:
22. Не от царей разве ты скиptronосных и в подвигах слав-
ных
23. Род свой ведешь? Так скорей расскажи нам и точно по-
ведай!».
24. Так, отвечая, сказал Крохобор ему, глядя надменно:
25. «Разве мой род неизвестен тебе? Ведь он славен меж все-
ми!

¹ Перевод выполнен с издания: *Hymni homerici accedentibus epigrammatis et Batrachomyomachia*, ex rec. Aug. Baumeister, Lipsiae, 1886.